

На экране вся президентская рать

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Сколько президентов может быть сконцентрировано на одном «квадратном сантиметре» телеэкрана? А сколько президентов может быть показано в течение одной, например, новостной телевизионной программы? Или в течение одного дня по разным каналам? Оказывается, целая президентская рать.

Насыщенность первыми лицами стран и организаций – это и есть недельная картина президентской рати. Не «сопровождающие лица», не челядь или значимое окружение, но сами по себе президенты, если можно так сказать, разного ранга составили целую рать, заполнившую телеэкран.

На ТВ – постоянно и по праву российские должностные лица. Президент – действующий – после поездки в Ливию и Италию принимает послов, визитёра из Японии, вводит новые должности в своём будущем премьер-министерском аппарате (пресса, спичрайтерство, протокольная служба). Президент избранный также ведёт активную работу синхронно и отдельно. Что телевидение с положенным почтением, а, значит, и с соблюдением очередности сюжетов отслеживает.

Но вот в совершенно развлекательной, давно ставшей об разцом не просто игры, но игры в поддавки программе «Кто хочет стать миллионером?» ставится вопрос об американской жене президента. И в ходе длительных, ужасно скучных и лишённых какой бы то ни было логики рассуждений играющая женщина выбирает в мужа американке президента Молдавии. Ну, не знает она, неинтересно ей и незачем знать, что нет такой жены ни у молдаванина, ни у казаха, хотя догадывается, что у белорусского «батюшки» такой быть не может ни при каких обстоятельствах. Но если среднеарифметическая участница игры не знает даже имени, а уж тем паче биографии и семейных дел украинского президента Ющенко, то что ей, русской охотнице за миллионом, американские связи этого соседского президента?

Следом за легкомысленной игрой в ту же субботу – глубокомысленная программа В. Познера «Времена»: сразу два президента. Президент (в недавнем прошлом ректор) Санкт-Петербургского университета Л. Вербицкая, которую как опытного вузовского преподавателя невозможно «сдвинуть» в сторону от задуманной речи, темы, позиции, и только другой её опыт, функционера, заставляет её наступить на горло собственной песне, прервать речь и дать высказаться другому... президенту. И этот другой – президент национальной ассоциации телерадиовещателей Э. Сагалаев. И их слаженная полемика, то есть единодушие, с которым они только дополняют друг друга в отношении нравственности, ответственности, гуманности, необходимых телевидению.

Вяло и с постоянно ощущаемым недоумением, неуверенностью в том, кто «матери родине», хоть и не нашей, а на противоположном континенте, более ценен, но шли всю неделю кадры так называемой президентской гонки в США, где привычная им многоступенчатая система естественного отбора должна привести на президентскую должность одну из равно экзотических фигур: старика-«ястреба», внешне похожего своей обманчиво-благостной сединой на знаменитых голливудских актёров пятидесятилетней давности, темнокожего юного технократа или женщину с «деловой» стрижкой и в ярких пиджаках, простившую мужу-президенту скандальную измену и простившую самой себе просчёт с голосованием по военному вопросу. Соревнование не личностей, но, как сказали бы историки театра, «социальных масок» – оно и наблюдается со стороны именно как театральная игра с соответствующей атрибутикой в виде плакатов, дебатов, а главное, улыбок. Улыбок, несмотря ни на что. Важный этап был на этой неделе «у них», а нам показывали этот этап как «для нас» существенный.

И всё же есть, есть что-то общее, едва ли не родственное у «нас» с «ними». Хорошо это или нет, другой вопрос, но родство возникает на какой-то периферийной, едва ли не анекдотической линии. «Их» ещё действующий президент в процессе какой-то вечеринки взял дирижёрскую палочку и продирижировал (сообщили, что это длилось 2 минуты, вот уж «точность – вежливость президентов») оркестром, корректно и не пошатнувшись раскланялся и развёл руки в стороны; видно, и этому его научили имиджмейкеры. Как тут было не вспомнить забавное опоздание самолёта с нашим первым президентом, который задержался за границей, чтобы показать дирижёрский класс, ошарашив своей извечной и известной непредсказуемостью коллег-политиков. Только почему-то тогда все смущались и извинялись (мол, устал, чтоб не сказать – превысил «градусы»), настолько стеснялись, что даже теперь, в посмертной ретроспективе, показывают предвыборную пляску с русской дамой, но ту зарубежную гастроль стесняются.

Состоявшееся в эти дни, по поводу годовины, прощание с первым российским президентом Ельциным – словно автопортрет телевидения. Вот именно: не телевидение о Ельцине, а оно же – о самом себе, и не как-нибудь, а в контексте президентской судьбы. Кадры во время открытия памятника: историк и тележурналист Н. Сванидзе (и – демонстрация его не сегодня снятого фильма о Ельцине), генпродюсер К. Эрнст (и привычка Первого быть первым по количеству, да, впрочем, даже и разнообразию показов первых лиц; недаром прежний пресс-секретарь Ельцина тележурналист С. Медведев сегодня ну если и не президент, то председатель совета директоров всё того же Первого канала).

Прямая трансляция с Новодевичьего кладбища, как и мно-

И всё же есть, есть что-то общее, едва ли не родственное у «нас» с «ними». Хорошо это или нет, другой вопрос, но родство возникает на какой-то периферийной, едва ли не анекдотической линии. «Их» ещё действующий президент в процессе какой-то вечеринки взял дирижёрскую палочку и продирижировал (сообщили, что это длилось 2 минуты, вот уж «точность – вежливость президентов») оркестром, корректно и не пошатнувшись раскланялся и развёл руки в стороны; видно, и этому его научили имиджмейкеры. Как тут было не вспомнить забавное опоздание самолёта с нашим первым президентом, который задержался за границей, чтобы показать дирижёрский класс, ошарашив своей извечной и известной непредсказуемостью коллег-политиков. Только почему-то тогда все смущались и извинялись (мол, устал, чтоб не сказать – превысил «градусы»), настолько стеснялись, что даже теперь, в посмертной ретроспективе, показывают предвыборную пляску с русской дамой, но ту зарубежную гастроль стесняются.

Состоявшееся в эти дни, по поводу години, прощание с первым российским президентом Ельциным – словно автопортрет телевидения. Вот именно: не телевидение о Ельцине, а оно же – о самом себе, и не как-нибудь, а в контексте президентской судьбы. Кадры во время открытия памятника: историк и тележурналист Н. Сванидзе (и – демонстрация его не сегодня снятого фильма о Ельцине), генпродюсер К. Эрнст (и привычка Первого быть первым по количеству, да, впрочем, даже и разнообразию показов первых лиц; недаром прежний пресс-секретарь Ельцина тележурналист С. Медведев сегодня ну если и не президент, то председатель совета директоров всё того же Первого канала).

Прямая трансляция с Новодевичьего кладбища, как и многократно повторенные и даже снятые в одном и том же ракурсе на разных каналах кадры, была достаточно информативной, показав узнаваемые лица не только телевизионщиков, но и других людей, имевших от первого российского президента реальную, подчас на зависть многим другим государственную поддержку. Было лицо певицы Вишневской – ну, правда, здесь ещё кто кого поддержал; помните знаменитые кадры её покойного мужа Ростроповича в обнимку с автоматом, запараллеленные журналистами с кадрами Ельцина на танке? Новое государство по имени Россия было 17 лет назад осенено таким вот немзыкальным, но весьма ярким дуэтом. Были лица и мирных соратников – режиссёров Захарова и Волчек, например. Лица политиков, оставшихся в этой сфере, как Черномырдин, или благополучно из политики удалившихся, что не всем экономистам удаётся, как Лившиц. Причём вечно безжалостное телевидение успело зафиксировать их оживлённую, вряд ли просто светскую беседу и искренние, едва ли не радостные улыбки. Наверное, было что вспомнить о президенте или в связи с ним – не только траурное. И хорошо. И правильно. И естественно. И молодец наше телевидение, что не скрыло такое жизнеутверждающее состояние участников скорбной церемонии.

Если и была явная и неодолимая бестактность, то при всём моём и нашем общем критическом отношении к телевидению признаю: её совершили представители другой сферы. Это была бестактность скульптурная.

Памятник-надгробие спроектировали не многократно раскритикованные и даже осмеянные в их стремлении к неадекватной помпезности Церетели, Глазунов или Шилов. Степень художественной невыразительности и невнятности поразительна тем более, что для надгробия использована неуместная пестрота, какую неожиданно приобрёл в новом контексте государственный трёхцветный флаг; пышные, чтобы не сказать пухлые волны, видимость бутафорской покраски (при разговоре об использовании естественного камня), наконец нелогичность «лежачего» положения этого каменного массива вопреки классическим традициям вертикализма подобных композиций огорчают и угнетают. И пусть нам сообщили, что выбор совершили члены семьи покойного – кто теперь знает, был ли выбор и из чего.

Когда же в воскресенье показали стилизованный деревянный крест на могиле президентского визави Ростроповича, ушедшего из жизни несколькими днями позднее Ельцина, стало в очередной раз понятно: вкус и такт – вопрос не престижа и не должности...

Публика смотрит телевизор, в котором мелькают привычные за месяцы и годы повторений лица президентов. Кто-то замечает изменения причёсок и расцветки галстуков; кто-то запоминает оговорки и забавные, не по должности сказанные реплики. И частный человек из публики поневоле включает всю президентскую рать в свою повседневность, видя в человеке из этой рати соседа, прохожего, собеседника.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.